

«Срочные новости! Папарацци утверждают, что вчера в столичном аэропорту заметили Лян Жувэня и Сяо Шу».

Сетевые баталии вокруг «Шоу 101», бушевавшие в интернете не одну неделю, наконец-то начали стихать. Лишь сердца поклонников Шу Мина всё еще замирали от тревоги.

Никаких вестей. Почему от него до сих пор нет никаких новостей?

Вернулся ли он к учебе или решил продолжить путь в шоу-бизнесе? Должны же были появиться хоть какие-то зацепки, хоть какой-то график!

Репортеры и охотники за сенсациями в этот раз оказались на редкость бесполезными.

К счастью, фанатам не пришлось ждать слишком долго. В сети наконец-то появились первые крупницы информации: Лян Жувэня и Шу Мина действительно сфотографировали в столичном аэропорту. Компанию им составляли незнакомый мужчина и Цуй Минчжэ, который в этом году с помпой объявил о переходе к продюсерской деятельности и работе «за кадром».

Но постойте, разве Шу Мин только что не рассорился в пух и прах с двумя гигантами индустрии — «Хуньюй» и «Сэньхай»? По логике вещей, его должны были подвергнуть тотальному бойкоту. Неужели ему удалось отыгаться и заполучить лакомый кусочек?

Любопытство публики разгорелось с новой силой. Коллективный разум интернет-пользователей — сила поистине безграничная. Вскоре выяснилось, что у компании «Цзигуан Фильм», в которую вложились Цуй Минчжэ и Лян Жувэнь, на данный момент в разработке находится лишь один крупный проект.

Флагманская драма категории S, отобранный самим Центральным телевидением амбициозный проект — драма «Степная любовь»!

На этот проект мечты, который должен был выйти в эфир к концу года, засматривались многие в индустрии. Лишь те, кто воочию наблюдал за «сражениями» на этапе подготовки, знали, насколько он востребован. Молодые актеры и актрисы были готовы буквально перегрызть друг другу глотки ради шанса попасть в каст.

Причина была проста. Во-первых, статус «государственного заказа». Сюжет, основанный на реальных историях людей, изменивших страну, гарантировал пристальное внимание и любовь зрителей по всей стране. Как только было объявлено о начале съемок, новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. Для любого артиста участие в таком проекте — это «государственный знак качества», подтверждение его благонадежности и таланта. Это прямой путь к тому, чтобы стать узнаваемым в каждом доме.

Во-вторых, этот безумец Цуй Минчжэ не поспешил на расходы. Он не только перевез всю съемочную группу в степи для натуральных съемок, но и сумел заполучить Чжэн Ивэй.

Чжэн Ивэй был фигурой легендарной. В индустрии его знали под прозвищем «Мастер дрессуры». Это означало одно: любой актер, прошедший через его руки и выдержавший его требования, если и не рождался заново, то уж точно менялся до неузнаваемости. Чжэн любил говаривать: «Даже из гнилой коряги я выстругаю человека!» И никто не смел ему возразить.

Он славился тем, что работал медленно, но безупречно. Поклонники артистов могли только мечтать о том, чтобы их кумиры попали к нему на «огранку» — это гарантировало резкий скачок в мастерстве и репутации. Чжэн Ивэй несколько лет не снимал сериалы, и оставалось только гадать, как Цуй Минчжэ удалось его уговорить.

В любом случае, «Степная любовь», несмотря на свое простоватое название, была самым желанным проектом в индустрии. И теперь всех мучил один вопрос: каким образом вчерашний новичок Шу Мин смог к ней прикоснуться?

Неужели этот парень действительно рожден для шоу-бизнеса? Когда все пути, казалось бы, были отрезаны, он умудряется получать ресурсы такого уровня!

Пока обыватели строили догадки, фанаты переживали по-настоящему. Они радовались, что Сяо Шу не покинул индустрию, но в то же время боялись, что всё это окажется лишь слухами или попыткой «перехвалить» их любимца перед возможным провалом. Пока не было официального анонса, верить ничему нельзя...

Впрочем, никакие пересуды не могли испортить настроение одному маленькому «щенку», оказавшемуся на воле. Как вы думаете, что произойдет, если выпустить Шу Мина на бескрайние просторы степи, где можно бежать, куда глаза глядят? Правильно — он окончательно потерял голову от восторга!

Хотя Шу Мин и остальные жили в гостинице посреди степи, рядом с кочевниками, для настоящей записи голоса приходилось ездить в городскую студию.

Рано утром Цуй Минчжэ громко постучал в дверь, а затем вместе с помощником и водителем буквально утащил Шу Мина в минивэн. После часа тряски по ухабистой дороге парень наконец-то оказался в студии, где его ждал настоящий продюсер темы к фильму.

Это был длинноволосый «стиляга» в футболке с огромным логотипом известного бренда. Мужчина представился Гэн Гуаньгуанем.

Шу Мин перевел взгляд на Цуй Минчжэ и на мгновение замер. Как его зовут?

Цуй Минчжэ к этому моменту уже едва сдерживал смех. Его лицо исказилось в нелепой гримасе — он пытался сохранить серьезность, но в итоге лишь выдавил сквозь зубы:

— Да, ты не ослышался. Его зовут Гэн Гуаньгуань... Ха-ха-ха-ха!

За свой чрезмерно дерзкий смех продюсер тут же получил от Гэн Гуаньгуаня увесистый пинок.

Шу Мин не знал, что пока он с любопытством рассматривал Гэна, тот втайне изучал его самого. Наконец-то он увидел его вживую! Цуй Минчжэ прожужжал ему все уши, расписывая таланты этого мальчишки так, будто он сошел с небес. Гэн Гуаньгуань уже и сам начал ждать этой встречи с нетерпением.

А перед ним стоял... просто ребенок.

Гэн полагал, что айдолы, вышедшие из подобных шоу, должны быть подчеркнуто эффектными и манерными. Но Шу Мин вдребезги разбил этот стереотип. Парень выглядел поразительно... чистым.

Продюсер считал себя человеком простым и не способным на высокие эпитеты, но в голову невольно лезли поэтические сравнения. На что он похож?

На лист в степи, усыпанный каплями утренней росы — в нем чувствовалась бодрость и свежесть. На солнце в пять часов вечера — оно не слепит глаза, но окрашивает облака вокруг в невероятные цвета...

Кому не понравится работать с таким искренним юношей? Взгляд Гэн Гуаньгуаня становился всё более отеческим.

Однако в студии звукозаписи внешность не имела значения. Здесь правил голос.

— Демо-запись слушал?

Шу Мин послушно кивнул. Сентябрь в провинции М выдался прохладным. Юноша кутался в просторную ветровку, спрятав подбородок в высокий воротник, от чего его лицо казалось совсем крошечным, а сам он — еще моложе.

Сердце продюсера окончательно смягчилось, но работа есть работа:

— Давай попробуем записать одну версию. Мне нужно услышать твой голос в деле.

«Без распевки? Сразу в бой?» — вопросительно вскинул брови Цуй Минчжэ.

Гэн Гуаньгуань холодно и решительно кивнул. Он хотел услышать максимально естественное звучание.

Цуй сощурился: «Ты уверен? Ты готов к этому?»

Гэн был настроен серьезно. Он понимал, что его требование сурово, и был готов к любому результату.

А затем Цуй Минчжэ, вальяжно закинувший ногу на ногу, наблюдал за тем, как лицо продюсера по мере исполнения песни становилось всё серьезнее и серьезнее...

Когда Шу Мин закончил последнюю фразу, в студии воцарилась такая тишина, что было слышно, как падает иголка. Гэн Гуаньгуань медленно, очень медленно снял наушники. Его лицо было предельно сосредоточенным.

Цуй Минчжэ, который в глубине души тоже немного волновался (хотя и верил в Лян Жувэня больше, чем в себя), решил, что нельзя терять марку.

— Ну что? Совсем плохо? — он приподнял бровь.

Гэн Гуаньгуань покачал головой.

Цуй на секунду растерялся, но, взглядевшись в выражение лица друга, мгновенно всё понял. Дело было не в том, что Шу Мин спел плохо. Напротив — он спел слишком хорошо!

Тревога Цуй Минчжэ мгновенно испарилась, и он тут же ощутил привычный зуд — желание подколоть приятеля. Он громко расхохотался и пнул стул Гэна в ответ на недавнюю обиду.

— Я же говорил! Этот парень прошел школу Лян Жувэня, этого невыносимого перфекциониста. И это человек, которого выбрал я, Цуй Минчжэ!

Он явно намекал на то, что его вкус безупречен. И кто бы мог подумать, что всего минуту назад он сам сомневался.

— Раз ты всё знал, почему не притащил его раньше?! — огрызнулся Гэн Гуаньгуань.

— А я тут при чем? — развел руками Цуй. — Все вопросы к господину Ляню. Это он его придерживал, а не я.

Они увлеченно спорили, совершенно забыв про Шу Мина, который так и стоял перед микрофоном. Парень подумал: «Вы так мило воркуете, что совсем про меня забыли...»

Впрочем, он не обиделся. В конце концов, он был великодушным Сяо Шу.

Юноша улыбнулся про себя. Похоже, в этот раз он не посрамил честь своего наставника.

По правде говоря, Цуй Минчжэ действительно нашел сокровище. Гэн Гуаньгуань, раз за разом прослушивая запись, с профессиональной остротой осознал: талант этого мальчика — один на миллион. Да, ему всё еще не хватало техники, он был по-детски неопытен, но его диапазон поражал, а природные данные были выше всяких похвал.

Хорошие голоса Гэн встречал и раньше, но дар Шу Мина был иного рода. Его голос обладал невероятной эмоциональностью и уникальной узнаваемостью. Бывают исполнители, чье пение — чистая демонстрация техники; их забываешь через минуту. Но когда открывал рот Шу Мин, слезы сами наворачивались на глаза. Хотелось просто следовать за его голосом.

У Шу Мина была особенная манера произношения. Это не было невнятиостью; напротив, его артикуляция в сочетании с уникальным тембром создавала ощущение абсолютной искренности и какой-то едва уловимой, чистой стойкости. Даже легкого упрямства.

В каждой версии, записанной в студии, Шу Мин словно по кирпичику выстраивал здание эмоций. Он вел слушателя за собой, в самый центр эмоционального вихря, не позволяя отвлечься ни на секунду. Оставалось только замереть и чувствовать, как по щекам катятся слезы...

Такой талант невозможно выработать упражнениями — это дар свыше. Гэн Гуаньгуань даже расстроился: почему он не встретил этого парня раньше? У него было несколько композиций, которые идеально подошли бы Шу Мину. Но прошлое не вернуть.

Продюсер вошел в раж. Он кружил по студии, окрыленный вдохновением. В итоге он принял смелое решение — полностью переделать аранжировку ради Шу Мина! Он безжалостно вырезал целые инструментальные партии, стремясь максимально облегчить сопровождение и вывести голос юноши на передний план.

Гэн сам руководил процессом записи, и после нескольких дублей результат стал практически идеальным. Поразительная эффективность! Продюсер так светился от счастья, что, казалось, даже помолодел. Работать с Шу Мином было одно удовольствие: он понимал всё с полуслова, умел импровизировать и при этом не страдал от излишней скромности, часто присущей молодым певцам.

Некоторые новички бывают настолько робки, что боятся высказать свое мнение. Но Сяо Шу был другим. Его замечания были дельными, он не боялся указывать на недостатки и предлагать свои идеи. В нем чувствовалась та самая живая искра, которая и дарила Гэну вдохновение.

Сам того не замечая, Гэн Гуаньгуань уже начал считать Шу Мина «своим». Его улыбка стала искренней, а в голове зароились мысли о музыкальных премиях. И в этот момент, как всегда не вовремя, зазвонил телефон.

— Лян Жувэнь?

Гэн, уже собиравшийся домой, с недоумением посмотрел на экран и нажал на кнопку приема.

— Я только закончил работу и собирался уходить! — проворчал он в трубку. — Что случилось?

Лян Жувэнь был краток:

— Я послушал итоговую версию темы. Тебе не кажется, что с песней что-то не так?

Если бы это сказал кто-то другой, Гэн Гуаньгуань, возможно, просто бросил бы трубку. Но это был Лян Жувэнь. Продюсер напрягся, но голос его остался твердым:

— С чего ты взял? По-моему, вышло отлично. Я уже подумываю подать её на пару конкурсов. Не порти мне настроение.

— Тебе не кажется, что исполнению не хватает той самой широты, которая присуща степи?

— Звук кажется зажатым. Словно он поет в лесу, а не на открытом пространстве.

Неужели?

Гэн Гуаньгуань бросился обратно к пульту, надел наушники и прослушал запись еще раз.

Кажется... действительно так. Возможно, процесс шел слишком гладко, и это притупило его чутье. До этого момента он действительно не замечал этого нюанса! Холодный пот выступил на лбу продюсера.

— Теперь слышишь? — раздался голос из трубки.

— Да, — глухо ответил Гэн.

— Ты ведь все эти дни держал его взаперти в студии? — голос Лян Жувэня звучал чуть приглушенно.

— Откуда ты знаешь? — поразился Гэн.

— Выпусти его. Пусть Цуй Минчжэ найдет местных жителей, и пусть они покажут парню настоящую степь. Пусть погуляет, посмотрит по сторонам.

Лян Жувэнь сделал паузу и добавил:

— Скажи ему, пусть развлекается в свое удовольствие. Я всё оплачу.

Если человек никогда не видел истинного величия степи, как он сможет передать это чувство в песне? До сих пор Шу Мин, как ни крути, пел лишь о своей родной земле.

Что ж, пришло время позволить одному «щенку» вдоволь набегаться на воле.

<http://bllate.org/book/16119/1586425>